

Аллу Сергеевну из роддома никто не встречал.

Она шла с розовым свертком в руках и старалась улыбаться. Пока пробиралась сквозь толпу свежеиспеченных пап, дедушек, бабушек, теть, пока одиноко брела к стоянке такси, машинально отметила: прямо у входа в роддом припаркована новенькая иномарка. Перевязана яркой лентой, бантик венчает огромная открытка: «Спасибо за дочь, любимая!»

А вот Але — автомобилей в честь рождения дочери не дарили. И вообще ее ребенку никто не рад. Только она сама любила крошечный — всего два с половиной кило! — сверточек так, что дух захватывало. И, хотя слезы застилали ей глаза, Алла Сергеевна упрямо бормотала про себя: «Ничего, малышка! Мы с тобой обязательно прорвемся!..»

Идти ей было тяжело. На плече — огромная сумища с вещами, на руках — младенец. А дальше будет еще круче. Надо забрать старшую дочь и оставшиеся пожитки, добраться с двумя детьми на руках до Калядина — за пятьсот километров от Москвы. И некому, совсем некому ей помочь.

Спасибо подруге Мухе, что она хотя бы Настеньку приютила на время, пока Аля была в роддоме.

Впрочем, Муха — удивительное создание. Хотя сама совсем недавно родила — да еще сразу троих, — сумела хотя бы дома организовать Алле Сергеевне торжественную встречу. Праздничный торт испекла. И огромная связка надувных шариков была — на каждом надпись: «С новорожденной!» Роскошную люльку-переноску купила: «Чтобы малышка до Калядина со всем комфортом добралась». И все извинялась, что к роддому не смогла подъехать.

— Но к поезду я вас обязательно отвезу. Мужа уже обязала: он с детьми посидит.

Вот молодчина!

Порхает от младенца к младенцу (кому соску дать, кому нос вытереть), между делом успевает накрывать на стол, разливать шампанское. («Нам с тобой, кормящим, по пять капель даже полезно!») Болтает без умолку:

— Главное для нас, молодых мамашек, заранее не паниковать. Я, например, ужасно переживала: как ходить по магазинам с тремя ляльками на руках? Но быстро приоровилась — все теперь заказываю по Интернету, очень удобно!

И когда в дверь позвонили, попросила подругу:

— Открой, пожалуйста. Это, наверно, подгузники привезли. Я и на твою долю тоже заказала.

Аля поспешила в коридор. Действительно, курьер. Однако в руках не памперсы — всего-то длинный белый конверт. И адресован не хозяйке квартиры, не Мухе — но Алле Сергеевне Кузовлевой.

Она с опаской взяла письмо. Кто-то ее поздравляет? Но кто? Да и выглядит конвертик совсем не празднично.

Впрочем, чего гадать? Аля вскрыла письмо, и в руки ей упал отпечатанный на принтере текст: «РЕБЕНКА Я ВСЕ РАВНО У ТЕБЯ ОТБЕРУ».

* * *

Кириллу Бодрых опять пришлось срочно улетать. В этот раз на турнир в Лугано. Хотя «пришлось» — неправильное слово, конечно. *Повезло, выпало счастье!* Молодой человек до сих пор иногда в день вылета за границу просыпался, и паника охватывала: вдруг его новая жизнь — всего лишь сон? И как же радостно было, когда приходил в себя и понимал: все правда. Вот дорожная сумка, на тумбочке паспорт с открытой шенгенской визой. А ведь каких-то полгода назад он и помыслить не мог, что станет играть за границей. Сейчас же взлетел в рейтинге настолько, что уже и выбирать мог: отправиться ли ему в Швейцарию пробиваться через квалификацию на турнире второй категории, или лучше в Милан на соревнования попроще, зато сразу в основную сетку.

Кирилл пока не дорос до статуса «надежды российского спорта», и журналисты им особенно не интересовались. Тренер, дядя Митя, усмехался:

— И слава богу, что не лезут. Сколько бывало случаев: темная лошадка выиграла турнир. Ажиотаж, автографы, интервью. А дальше все от него *ждут* новых побед. Он боится не оправдать надежд. И готово дело, перегорает. Лучше уж как у тебя. По-

тихоньку, полегоньку. Турниры четвертой категории освоил, теперь старайся в тех, что рангом выше, хотя б до четвертьфинала доходить.

И Кирилл прилагал все силы. Тренировался гораздо больше, чем с прежним тренером, практически на износ. Но — удивительно! — хотя уставал ужасно, получал от тенниса куда больше удовольствия, чем раньше. И ни капельки не надоедала ему игра. Мог после изнурительного дня на корте вернуться домой, поваляться полчаса перед телевизором, а потом вдруг руки сами тянулись к ракетке. Повторишь на сон грядущий раз сто имитацию крученого справа — и на завтра сам чувствуешь: пошел прорыв!

...Он по-прежнему много думал об Алле Сергеевне. Алле, Аллочке. Но навязчивая идея, одолевшая его с десятого класса — как учительницу завоевать, сделать своей, — несколько померкла. Слишком много и без того битв. Настоящих — на грунте, на траве, на харде¹. К тому же бабушка уверяла: Аллу сейчас завоевывать вообще бесполезно. Она же только что родила. И теперь — как минимум месяца три — будет приходить в себя. А потом — не меньше чем на год! — полностью сосредоточится на ребенке.

Что ж, придется ему смириться. Пусть любимая учительница пока отдыхает. А про любовь — они еще успеют поговорить. Потом.

Кирилл был бы счастлив обеспечить Алле Сергеевне комфортное, уютное, бездельное бытие.

¹ Хард — теннисный корт с жестким покрытием.

Благо деньги — тоже в последние полгода! — в руки сами текли. По меркам спортсменов «большой сотни» зарабатывал он на турнирах гроши. Но для него и тридцать штук долларов в месяц — самое настоящее богатство. Да, приходилось платить дяде Мите, тренеру по физподготовке, за аренду кортов, за гостиницы и билеты... Но все равно тысяч десять — чистыми! — оставалось. К тому же удалось заключить контракт с производителями ракеток. Денег те не платили. Зато на инвентарь — тоже серьезная статья расходов — теперь тратить-ся не надо.

— А будешь стараться, уже через год станешь миллионером, — предрекал дядя Митя. — Долларовым.

Просто дух захватывало у Кирилла от таких перспектив!

И разве можно ему — почти богачу! — допустить, чтоб любимая женщина, еще совсем слабая после беременности и родов, хлопотала с собственным бизнесом?

Но бабуля на пару с Аллой Сергеевной уперлись. Они — открывают малое предприятие. Да какое! Детский сад. Да еще в его родовом гнезде. Ничего себе перспективка!

Пусть Кирилл приезжал в Калядин нечасто, но всегда отдыхал там — будто у него полноценный отпуск. Бабушка откармливала вкусностями, ревностно берегла его сон. Аля — хоть и нет пока меж ними страсти — всегда, когда видела его, расцветала. Сколько переговорено было — у камина в гостиной, на тихой кухоньке, под крышей в зимнем саду. А теперь кругом будут дети болтаться, визг,

писк, не поспишь, перед теликом нормально не расслабишься.

Но, как ни пытался он бабулю отговорить, та стояла на своем: малому предприятию в их особняке — быть. Причем в самое ближайшее время.

— Пойми, — втолковывала она внуку, — это твоей любимой Аллочке в первую очередь и нужно. Чтоб она не чувствовала, что на нашей шее сидит, не корила бы себя.

— Да у нее ж учеников куча! Кто мешает, если ей обязательно собственные средства требуются, уроки давать? В охотку, по паре часов в день?

— Ты же сам знаешь, — вздыхала бабушка. — Але нужны деньги совсем другого порядка. Не успокоится она, пока Николаю Алексеевичу долг не отдаст. Не понимаешь, что ли?

— Можно подумать, вы на вашем садике сто семьдесят тысяч долларов заработаете! — усмеялся Кирилл. — Да ни в жизнь! — И добавлял покровительственно: — Что вы обе понимаете в бизнесе?

— Ладно уж, не глупее многих, — парировала Виктория Арнольдовна.

— А для бизнеса как раз умными быть не надо! Дела идут у подлых, хитрых, кто умеет лавировать, приспособливаться, — авторитетно заявлял молодой человек. — Вас просто съедят! За месяц!

Но бабулю трудно смутить:

— Пусть попробуют. Да, подличать мы не умеем. Но я, слава богу, в Калядине сколько лет прожила и знакомых имею — сам знаешь, чрезвычайно полезных. Нас и мэрия поддержит, и полиция в обиду не даст.

И столько властности во взгляде, уверенности в своих силах! Будто ей не восемьдесят с хвостиком, а максимум лет тридцать.

В Алле Сергеевне — ради которой, как утверждала бабушка, бизнес и затевался — решимости было куда меньше. Любимая учительница призналась Кириллу, что никогда не любила, не хотела и не умела руководить. И вообще ужасно боится:

— Это ж детский сад, воспитанники — крохи совсем! Представляешь, какая ответственность! Вдруг с лестницы упадут, пожар устроят, да хотя бы просто лоб на горке разобьют?! Как я их родителям в глаза посмотрю, как оправдываться буду?

— Так и в лес его, ваш детский сад! — горячо убеждал Кирилл. — Зачем вам этот дурацкий бизнес?! Живите в свое удовольствие, растите девчонки! Я любую вашу забаву профинансирую. А чтоб не скучно было, можно, например... — он отчаянно искал все новые и новые аргументы, — пока оттачивать на Зоиньке какую-нибудь авторскую методику раннего развития. За годик доведешь ее до совершенства, сама отдохнешь, да и малышка подрастет, — и открывай хоть сад, хоть школу! Я, опять же, еще больше разбогатею, смогу вам и помещение купить, и все, что надо!

Но Аля ласково смотрела на него, восторгалась его идеями — однако твердо стояла на своем:

— Нет, Кирилл. Я переборю себя, справлюсь. Мы с Викторией Арнольдовной все уже решили.

...Молодой человек почти не помнил своего отца, но одна его фраза запала намертво: «Будь, Кирюша, снисходителен к девочкам».

И он отступился. Снисходительно молвил:

— Ладно. Играйтесь.

В конце концов, чем они рискуют? Помещение снимать не надо, покупать дорогостоящее оборудование — тоже. Поймут за пару месяцев, что дело хлопотное, а доходов особых не приносит, и оставят свою затею.

Но, как выяснилось, Виктория Арнольдовна дело планировала вести с размахом. Кириллу совершенно случайно попался на глаза бизнес-план, и он просто опешил: одних развивающих пособий дамы собирались закупить — на сто тысяч рублей. А еще мебель для игровых, ортопедические кровати, инвентарь для детской площадки и спортивного зала.

Кинулся к бабушке:

— Откуда вы на все это деньги возьмете?!

Виктория Арнольдовна невозмутимо пожала плечами:

— А кредиты на что? Сын Венечки, моего хорошего приятеля, — президент банка. Веня уже с ним поговорил, тот пообещал: не откажет.

...Однако Аля — на переговоры Виктория Арнольдовна отправила ее — вернулась из банка грустная.

— Неужели не дал? — нахмурила брови старуха.

— Дал, — вздохнула Аля. — Через неделю деньги на счету будут.

— А что тебя тогда беспокоит? — пронизательно взглянула на нее пожилая женщина.

Алла виновато пробормотала:

— Да ерунда, наверно... Этот банкир такое сказал, вроде как между делом... Только бы, говорит, Виктория Арнольдовна протянула все три года, на которые выдан кредит.

— Ну, когда речь идет о человеке моего возраста, опасения естественны, — усмехнулась старая дама. — Чего ты расстраиваешься?

Аля же опустила голову:

— Да я о другом. Меня — совладелицу бизнеса — этот банкир вообще всерьез не воспринял. Зато вас упоминал постоянно: «Придумала Виктория Арнольдовна неплохо. Все у нее должно получиться. Лишь бы здоровья хватило...»

Кирилл — он присутствовал при разговоре — бестактно ляпнул:

— Алла Сергеевна, но это же правда! Вы сами мне говорили, что боитесь руководить, не хотите ответственности.

Она обернулась к нему, глаза несчастные:

— Именно, Кирилл. Я вообще всего боюсь. Ни единого самостоятельного решения не принимаю. Просто плыву по течению, да и все. Ужасно стыдно.

— Ничего и не стыдно! — возмущенно выкрикнул он. — Главное, что подле вас есть люди, которые готовы — да просто счастливы! — опекать, оберегать, помогать!

— Кирилл! — предостерегающе сказала бабушка.

А у Али по щеке уже поползла слеза. Она прошептала:

— Но не могу же я всю жизнь сидеть у кого-то на шее.

Всхлипнула еще горше, закрыла лицо руками. Пробормотала:

— Простите.

Кинулась вон из комнаты.

Кирилл поднялся: бежать за нею. Но бабушка властно положила руку ему на плечо, велела:

— Не надо. Пусть поплачет. Одна.

— Но...

— Оставь ее в покое, — повторила Виктория Арнольдовна. Любовно взглянула на него, пригладила челку, нежно сказала: — Ты у меня уже мужчина. Сильный и мудрый. А девочка наша, Аля, только растет. Давай мы с тобой — взрослые люди! — дадим ей время повзрослеть.

* * *

Леся Бородулина никогда не ставила перед собой сверхзадач. Да, покорять Москву явилась. Но хамских планов — например, чтобы ездить на «Бентли» и поселиться в клубном доме на Остоженке — никогда не строила. Квартирку бы занять — хоть какую! Да и жить как все: по будням ездить в офис, вечера коротать перед телевизором. В субботу — с утра в мегамолл, потом в киношку. Изредка — рестораны, театры. Концерты — желательно позвезднее, чтобы потом за бизнес-ланчем молвить небрежно: «Да, Пол Маккартни постарел, прямо смотреть жалко».

Когда Лесе удалось — совершенно случайно! — затащить под венец самого настоящего *миллионера*, ощущения были, будто у высоченного обрыва стоишь. Красотища кругом, перспектива — аж дух захватывает, но и страшно почти до икоты. Всего один неверный шаг, даже просто неловкое движение — и все, уже летишь в пропасть.

«Ничего! — успокаивала она себя. — Не раскусит меня муженек».

Но только невозможно всю жизнь притворяться паинькой. И так почти два года мучиться пришлось — сначала завоевывала Игорька, потом полгода после свадьбы сидела тише воды, ниже травы.

Будь ее клетка реально *золотой* — набитой бриллиантами, дорогушей одеждой, поездками на Сейшелы, — может, и смирилась бы. Но Игорь то ли скуповат оказался, то ли просто деловой человек не считал нужным ее баловать: зачем, раз жена и так всем довольна?

Поселил ее в Подмоскowie, в скромном домишке. Вместо того чтоб нанять лимузин с шофером, заставил получить права и самой управлять машинкой-букашкой. В рестораны не водил («Ты, солнышко, у меня сама повар — никакому Мишлену не снилось!»). Когда Леся однажды заикнулась про ночной клуб, вздохнул: «Зайнька, мне ж, к сожалению, не тридцать лет! И даже уже не сорок...»

Кто выдержит такую жизнь?

Тем более что дальше перспективы вырисовывались еще мрачнее. Чтоб покрепче Игоря к себе привязать, Леся, конечно, организовала ребеночка. В плане женитьбы — помогло, в загс отвел почти сразу. Но их общее будущее свежеиспеченный муж расписывал такими красками, что Лесю в дрожь бросало: «Няню брать не будем — у тебя с малышом у самой все получится замечательно, я уверен... Ездить за границу пока не станем — я в этом смысле человек несовременный. Считаю, неправильно, когда совсем маленьких детей за собой повсюду таскают».